

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Белоусов Л.С., Буеверов А.А., Маныкин А.С., Романова Е.В. Реакция ядерных держав на разработку и испытания термоядерного оружия США в начале 1950-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.5.71915 EDN: KMRUVS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71915

Реакция ядерных держав на разработку и испытания термоядерного оружия США в начале 1950-х гг.

Белоусов Лев Сергеевич

доктор исторических наук

профессор; исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
декан исторического факультета; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
академик; Российская академия образования

119234, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27 корп. 4

✉ modern@hist.msu.ru

Буеверов Артём Алексеевич

магистр; исторический факультет; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27 корп. 4

✉ bueverov.artiom@yandex.ru

Маныкин Александр Серафимович

доктор исторических наук

профессор; исторический факультет; Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27 корп. 4

✉ modern@hist.msu.ru

Романова Екатерина Владимировна

ORCID: 0000-0001-6138-5109

кандидат исторических наук

доцент; исторический факультет; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27 корп. 4

✉ ekaterinavromanova@gmail.com

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.5.71915

EDN:

KM RU VS

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2024

Дата публикации:

16-10-2024

Аннотация: В статье рассматривается реакция политических и общественных кругов США, СССР и Великобритании на разработку и испытания американского термоядерного оружия. На основе анализа опубликованных документов и прессы трех стран, архивных материалов, дебатов в британском парламенте и американском конгрессе авторы оценивают восприятие того, как фактор появления нового сверхмощного оружия влиял на состояние международных отношений, советско-американское противостояние, позиции Великобритании. Обращение к изучению этого вопроса тем более оправдано, что он остается в тени исследовательского внимания при значительном интересе отечественных историков к событиям начала «ядерной эры», процессу разработки ядерного (в том числе и термоядерного) оружия, прежде всего в СССР и США. Термоядерное оружие стало новым фактором в переживавшей фазу становления биполярной системе международных отношений. Его разработка и совершенствование в значительной степени явились порождением непримиримого конфликта сверхдержав. Связанный с появлением «сверхоружия» риск всеобщего уничтожения не остановил гонку вооружений, но намечавшаяся в ее ходе тенденция к достижению относительного паритета в ядерной сфере постепенно превращалась в залог стабильности, в основе которой лежал страх ответного удара. На заре ядерной эры эта тенденция только зарождалась – термоядерные испытания, казалось, увеличивали степень непредсказуемости на мировой арене, вызывая вопросы не только о том, как новые разработки повлияют на расстановку сил и стратегии ведущих держав, но и о степени управляемости термоядерными взрывами, об их последствиях и связанных с ними опасностях радиационного заражения. Именно поэтому испытания водородной бомбы побуждали обращаться к проблеме контроля над ядерными вооружениями. Однако высокая степень конфликтности и неопределенности, а главное – восприятие могущества как основы занимаемых государством позиций в системе международных отношений вели к тому, что вопросы контроля отступали на второй план перед императивами гонки вооружений.

Ключевые слова:

термоядерное оружие, водородная бомба, гонка вооружений, холодная война, ядерное сдерживание, внешняя политика США, внешняя политика СССР, внешняя политика Великобритании, советско-американские отношения, контроль над вооружениями

Исследование выполнено при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш01-17 «Влияние гонки вооружений на мировую политику, научно-технический прогресс и экологию»

Окончание Второй мировой войны открыло новую страницу в истории международных отношений. Мир стал свидетелем формирования принципиально нового миропорядка. Все прежние модели международных отношений базировались на том, что ведущую роль в мировой политике играли государства, входившие в «клуб великих держав». В разные исторические эпохи их количество колебалось в пределах пяти – семи стран. Иными словами, мир был полицентричным, и к этому все привыкли. После 1945 г. сложилась в корне иная ситуация. Очень быстро стало понятно, что архитектура послевоенного мира практически целиком зависит от действий двух новых мировых гигантов, двух сверхдержав, которые по своему потенциалу, своим возможностям многократно превосходили всех остальных участников международных отношений.

Их взаимоотношения за короткий срок проделали сложную, драматичную эволюцию: от союзников по антигитлеровской коалиции до государств, находящихся на грани новой, ничем не лимитированной войны. До подобной крайности дело не дошло. Вместо этого, мир скатился в болото «холодной войны». Ученые до сих пор отчаянно спорят о причинах того, почему события развивались именно в формате «холодной войны». Двоим из авторов данной статьи уже приходилось высказывать свое отношение к этой проблеме [1-3]. Сейчас хотелось бы обратить внимание на одно весьма важное обстоятельство, помогающее понять, почему же, несмотря на постоянное жесткое «конфликтное взаимодействие» США и СССР, их противоборство не вышло за рамки «холодной войны».

Одним из важнейших факторов, обусловивших подобный сценарий эволюции bipolarного мира, на наш взгляд, стало то, что два главных действующих лица тогдашней мировой политики – США и СССР – обладали примерно равным потенциалом мощи. Важно, однако, учитывать, что его составные компоненты у них были далеко не равнозначны. Это особенно касалось военной составляющей мощи. У СССР была, пожалуй, самая боеспособная сухопутная армия, ударное ядро которой составляли танковые войска. США имели наиболее мощные военно-морские силы и дальнюю авиацию. Такое положение дел оказывало противоречивое воздействие на восприятие международной обстановки руководством сверхдержав.

С одной стороны, и в Вашингтоне, и в Москве достаточно отчетливо осознавали наличие определенной асимметрии в их компонентах мощи. Это порождало желание максимально быстро воспользоваться теми преимуществами, которые имелись в тот момент. Иными словами, это обстоятельство увеличивало стремление данного государства укрепить свои позиции в мировой политике, что вело к росту международной напряженности. С другой стороны, понимание того, что основной соперник обладает примерно равным потенциалом (при всем различии компонентов мощи), заставляло участников «конфликтного взаимодействия» ограничивать свой пыл и проявлять сдержанность на международной арене. «Холодная война» стала вполне приемлемой формой взаимодействия сверхдержав в мировой политике.

Однако на заключительном этапе Второй мировой войны США стали монопольным обладателем уникального по своей мощи ядерного оружия. Это порождало у американского руководства иллюзию всемогущества и вседозволенности. Проще говоря, США всерьез рассчитывали, что ядерное оружие поможет им утвердить свое доминирующее положение в bipolarном мире. Конечно, в Вашингтоне понимали, что их главный оппонент попытается ликвидировать это отставание и создать собственное ядерное оружие, но полагали, что это может произойти не ранее, чем через 10-15 лет.

Эти расчеты, однако, не оправдались. В 1949 году СССР положил конец ядерной

монополии Соединенных Штатов. Грубо просчитавшись в своих прогнозах относительно возможностей Советского Союза в сфере ядерных вооружений [4, р. 211], США при пересмотре своих военных и дипломатических планов взяли курс на форсированное наращивание своего атомного потенциала, чтобы сохранить как можно больший отрыв в этой области от СССР [3, с. 334-335]. Помимо этого, предполагалось создать оружие, в сотни раз мощнее бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. 31 января 1950 г. президент США Г. Трумэн дал зеленый свет сторонникам этого варианта, публично провозгласив продолжение работ «над всеми видами атомных вооружений, включая так называемую водородную, или сверхбомбу» [5, р. 138]. В течение следующих нескольких лет проводились мероприятия по созданию нового супероружия. Весной 1951 г. в Тихом океане (атолл Эниветок) прошли первые испытания, связанные с разработкой водородной бомбы, там же осенью 1952 г. американцы успешно протестировали первое в мире термоядерное устройство «Майк», которое некоторые непосвященные в детали очевидцы успели окрестить «водородной бомбой» [New York Times, 17 Nov. 1952; Time, 17 Nov. 1952]. Однако оно было нетранспортабельно и не годилось для боевого применения. В августе 1953 г. СССР объявил об испытании водородной бомбы. По мощности она значительно уступала американскому устройству, но была потенциально совместима со средствами доставки. Что же касается Соединенных Штатов, то их термоядерное оружие было готово к весне 1954 г., когда на тихоокеанском атолле Бикини прошла новая серия испытаний сверхоружия (операция «Замок»). Круг ядерных держав в первой половине 1950-х гг. не ограничивался США и СССР. В 1952 г. Великобритания провела испытания ядерного оружия, а спустя менее чем два года ее правительство приняло решение о запуске термоядерной программы.

Январское решение Трумэна инициировало выход гонки вооружений на качественно новый уровень, и игнорировать данный факт ведущие игроки на мировой арене явно не могли. Реакция политических и более широко – общественных – кругов трех ядерных держав (Франция и Китай в 1950-е гг. не входили в этот «клуб»; они испытали ядерное оружие позже: первая – в 1960 г., а второй – в 1964 г., поэтому рассмотрение их реакции не входит в задачи данной статьи) на это решение и на последующие испытания термоядерного оружия отражала их восприятие специфики bipolarного противостояния и влияния на мировую политику фактора появления оружия, обладающего беспрецедентным разрушительным потенциалом. Обращение к изучению этого вопроса тем более оправдано, что он остается в тени исследовательского внимания при значительном интересе отечественных историков к событиям начала «ядерной эры», процессу разработки ядерного (в том числе и термоядерного) оружия, прежде всего в СССР и США [6-8].

Процесс реализации термоядерной программы американское правительство освещало довольно скромно: уже в начале февраля 1950 г. Белый дом под предлогом соблюдения мер безопасности запретил публично обсуждать проблему водородной бомбы всем структурам, отвечающим за атомную политику Соединенных Штатов [New York Times, 3 Feb. 1950]. Прессе предоставлялись лишь самые общие сведения о ключевых ядерных испытаниях, упомянутых выше. Данная мера, однако, не всегда работала. Так, новость об испытаниях весной 1951 г. вызвала настолько бурный всплеск обсуждения проблемы супербомбы среди членов конгресса, что один из американских законодателей даже пожаловался на своих коллег за их излишнюю, по его мнению, открытость в вопросах сверхоружия [New York Times, 26 May 1951]. А в ноябре 1952 г., сообщая о термоядерных испытаниях, Комиссия по атомной энергии США (КАЭ) заявила о необходимости специального расследования на предмет выявления тех, кто обнародовал

свои наблюдения в период их проведения [New York Times, 17 Nov., 18 Nov. 1952].

Наличие данных фактов, на наш взгляд, вполне объяснимо: перспектива создания оружия, по своей манере кратко превосходящего атомные бомбы, была слишком будоражившей, чтобы не привлекать внимания как элит, так и широкой общественности. Заявление Трумэна от 31 января 1950 г. явилось плодом проходивших осенью 1949 г. внутренних дебатов, где верх одержали сторонники захода на новый виток спирали гонки вооружений [\[3, с. 335\]](#). В Вашингтоне вполне осознавали, что споры вокруг проблемы термоядерного оружия еще будут иметь место, в связи с чем стремились через прессу продемонстрировать общественности: Белый дом выражает коллективное мнение, его поддерживают представители обеих ведущих политических партий и всех структур, занимавшихся проблемами атомной политики США [New York Times, 1 Feb. 1950]. Причины солидаризироваться с решением Трумэна у американского военно-политического истеблишмента действительно были. Биполяризация мира шла полным ходом: один лишь 1949 г. ознаменовался такими знаковыми для дальнейших судеб мира событиями, как раскол Германии, создание НАТО и победа коммунистов в Гражданской войне в Китае. Тогда же СССР продемонстрировал, что, несмотря на огромные потери, понесенные в годы Второй мировой войны, у него есть все ресурсы для скорейшей ликвидации отставания от США в области ядерных вооружений и сохранения при этом мощнейшей сухопутной армии. В представлении американских военных, данное обстоятельство кратко увеличивало риск изменения соотношения сил в мире не в пользу Вашингтона. Руководствуясь данными соображениями, в феврале 1950 г. Министерство обороны и Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) однозначно рекомендовали Трумэну «немедленно приступить к тотальной программе разработки водородной бомбы» [\[9, р. 538-539\]](#).

Перспектива вернуть Соединенным Штатам утраченную монополию на сверхоружие на фоне нараставшей конфронтации с Советским Союзом путем создания водородной бомбы выглядела слишком заманчиво, чтобы не воспользоваться ею, и для конгресса. Примечательно, что на Капитолии, решение Белого дома публично практически не критиковали и в целом оценивали как оправданную и вынужденную меру [Congressional Record: Proceedings and Debates of the 81st Congress, 2nd Session. Vol. 96. Washington, 1950. Р. 1182, 1338, 1474, 1757, 1945, 1950, 3198].

И все же говорить об однозначной и безусловной поддержке американской общественностью и истеблишментом курса, избранного Трумэном и продолженного Д. Эйзенхауэром, не приходится. Те, кто откровенно скептически оценивал решение Белого дома о запуске термоядерной программы – часть ученых-атомщиков во главе с Р. Оппенгеймером, некоторые сотрудники Госдепартамента, включая Дж. Кеннана, первый председатель Комиссии по атомной энергии Д. Лилиенталь (вышел в отставку в феврале 1950 г.) – обосновывали свою позицию не только морально-этическими, но и практическими соображениями: разработка термоядерного оружия, по их мнению, существенно понижала шансы договориться с Москвой об установлении международного контроля и могла спровоцировать новый, еще более разрушительный тур гонки вооружений [\[3, с. 335; 9, р. 540\]](#). В 1952 г., незадолго до взрыва устройства «Майк», группа консультантов по разоружению (Panel of Consultants on Disarmament) подготовила меморандум, где, в попытке убедить Администрацию в необходимости отложить планируемые испытания термоядерного устройства, авторы говорили о том, что создание бомбы, могущей затмить своей мощью атомное оружие, будет более выгодно СССР, чем США, чей ядерный арсенал и так в разы превосходил советский [\[10, р. 998; 11\]](#).

Члены конгресса – включая тех, кто публично поддержал президента – также были вынуждены признать наличие ряда вопросов, вызванных решением от 31 января. Чаще всего выражалось беспокойство по поводу применения новой сверхбомбы в возможной войне, что неудивительно, ведь разработка эффективных средств обороны от ядерного оружия считалась малоперспективным занятием. Приняв факт продолжения гонки вооружений, часть конгрессменов, сенаторов и некоторых ученых-атомщиков стремилась заручиться у Белого дома обещанием использовать ядерное оружие лишь в ответ на применение сверхбомб против США или их союзников [Congressional Record. Vol. 96. P. 2543, 3199; New York Times, 5 Feb. 1950]. Не менее важно, что американским законодателям приходилось констатировать дальнейшее увеличение расходов на военные нужды [Congressional Record. Vol. 96. P. 2543]. Кроме того, не было уверенности (причем не только на Капитолии, но и в Пентагоне), что американская монополия на новое супероружие окажется долговременной [9, р. 539; Congressional Record. Vol. 96. P. 2543] – атомный взрыв на Семипалатинском полигоне явно вынудил Соединенные Штаты гораздо серьезнее относиться к возможностям СССР. Даже высказывалось мнение, что проект «Аттилы и Чингисхана образца 1950 г.», как окрестил водородную бомбу один из сенаторов [Congressional Record. Vol. 96. P. 3763], будет реализован Москвой раньше Вашингтона [Congressional Record. Vol. 96. P. 9537]. Возможно, именно это опасение побуждало членов конгресса еще до августа 1953 г. задаваться вопросами о поражающем факторе термоядерной бомбы на примере крупных американских городов [Congressional Record: Proceedings and Debates of the 82nd Congress, 1st Session. Vol. 97. Washington, 1951. P. 4040, 4161]. Сообщение о новом – на этот раз термоядерном – взрыве под Семипалатинском достаточно наглядно продемонстрировало, что новая ядерная монополия США закончилась, не успев толком начаться.

Реакция официальных лиц США на советское испытание была противоречивой. Не отрицая сам факт испытаний, они по-разному оценивали его значение. Так, глава Объединенного комитета конгресса по атомной энергии С. Коул после экстренного заседания и консультаций с исполняющим обязанности директора ЦРУ поспешил заверить американский народ в том, что США по-прежнему обладают значительным преимуществом в области термоядерных разработок [Times, 22 Aug. 1953]. Министр обороны США Ч. Э. Вильсон в ходе пресс-конференции, состоявшейся 6 октября 1953 г., успокаивал общественность, заявляя о своих (справедливых на тот момент) сомнениях в том, что у СССР есть водородная бомба в форме, позволяющей доставлять ее до территории США, а главное – бомбардировщики, способные это сделать. По его прогнозам, такая угроза могла появиться приблизительно через три года. Однако всего два дня спустя президент Д. Эйзенхауэр заявил о способности Советского Союза нанести удар атомным оружием по территории США и о том, что такая способность будет с каждым годом возрастать [Times, 7 Oct., 9 Oct. 1953]. Приводя эти противоречивые оценки, «Уолл стрит джорнал» иронизировала, что анонсируемая Администрацией США операция «Откровенность» (Operation Candor), направленная на информирование американской общественности об опасностях переживаемого времени, могла основного противника – СССР и задачах, стоявших перед американской политикой, превращалась в операцию «Замешательство» (Operation Bewilderment) [Wall Street Journal, 8 Oct. 1953; Times, 9 Oct. 1953], а американский корреспондент британской «Таймс», усматривал в этих несостыковках отражение процесса непростого осознания ложности бытавшего в Вашингтоне представления о собственном техническом превосходстве. В то же время, ссылаясь на выступление Эйзенхауэра, в «Таймс» справедливо прогнозировали, что в условиях подрыва американского превосходства советским испытанием водородной

бомбы операция «Откровенность» будет в значительной степени поставлена на службу оправдания растущих расходов на вооружения [Times, 12 Oct. 1953].

Не только советские достижения в области ядерных разработок, но и соотношение сил в обычных вооружениях приводились представителями американского истеблишмента в качестве доводов в пользу наращивания военного потенциала. На настроения правящих кругов США существенно повлияли и события Корейской войны. Сторонники продолжения гонки вооружений всячески подчеркивали, что при текущей расстановке сил, когда мощнейшая Советская армия могла быть усилена войсками союзников СССР в Восточной Европе и гигантским мобилизационным ресурсом КНР, ядерное оружие оказывалось едва ли не единственным фактором сдерживания потенциального противника. В таком контексте любая критика решения о реализации термоядерной программы, хоть и не расценивалась как госизмена, выставлялась в весьма неблаговидном свете. Например, журнал «Тайм» в сентябре 1953 г. опубликовал хвалебную статью о тогдашнем председателе КАЭ и одном из наиболее яростных апологетов супербомбы Л. Штраусе, попутно выставив, по словам Д. Лилиенталя [12, р. 424], всех противников термоядерного оружия если не предателями, то явно слабоумными [Time, 21 Sept. 1953]. Столь откровенная дифференциация мира на черное и белое была присуща не только корреспондентам ведущих американских печатных СМИ, ею руководствовалась также республиканская администрация Эйзенхауэра, которая в октябре 1953 г. одобрила директиву СНБ-162/2. Она содержала в себе концепцию «массированного возмездия», которая была официально провозглашена госсекретарем Дж. Ф. Даллесом в январе 1954 г. Опираясь на свое превосходство в ядерных вооружениях, ВМС и стратегической авиации и оставляя за собой свободу выбора места и методов действий в любом потенциальном конфликте, Соединенные Штаты рассчитывали тем самым сдержать вероятного противника [3, с. 347–348]. Создание водородной бомбы как нельзя лучше вписывалось в данную парадигму.

Решение о разработке термоядерного оружия и дальнейшее следование по этому пути не снимало с повестки дня обсуждения вопроса о контроле над вооружениями. Перспектива разделить в случае новой большой войны судьбу Хиросимы слишком тревожила американскую общественность [Congressional Record: Proceedings and Debates of the 83rd Congress, 1st Session. Vol. 99. Washington, 1953. Р. 5948–5950; Congressional Record: Proceedings and Debates of the 83rd Congress, 2nd Session. Vol. 100. Washington, 1954. Р. 3988–3989, 4551], чего не могли не учитывать конгрессмены и сенаторы. Поэтому на Капитолии то и дело звучали призывы к возобновлению переговоров с Москвой по поводу установления международного контроля над атомной энергией с последующим ядерным разоружением [Congressional Record. Vol. 96. Р. 1182, 1338, 1474, 1757, 1945, 1950, 3198; Congressional Record. Vol. 100. Р. 4135–4136]. Еще в 1950 г. «Нью-Йорк Таймс» отмечала, что конгресс на фоне обсуждения проблемы водородной бомбы в целом показал большую, нежели правительство, готовность договариваться с СССР [New York Times, 3 Feb. 1950]. Д. Ачесон, госсекретарь в Администрации Трумэна, откровенно скептически относился к возможности соглашения с Москвой [11, р. 151]. Тем не менее полностью игнорировать вопросы контроля над вооружениями американская Администрация не могла. Они нередко становились предметом обсуждения на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

Еще на заре атомной эры американской стороной был выдвинуты предложения, известные как план Ачесона – Баруха – Лилиенталя. Подразумевающие передачу в собственность международному контролльному органу месторождений урана и тория по всему миру и организацию под эгидой этого органа производства атомной энергии, они

не без некоторых оснований воспринимались в СССР как нереалистичные, несовместимые с принципом суверенитета и ведущие к установлению «неограниченной власти американских монополистов, которые превратятся в хозяев всей мировой экономики в том числе в области ресурсов атомной энергии» [Правда, 16 дек. 1950; 13]. Гораздо меньшей степенью категоричности отличалась инициатива, выдвинутая президентом Эйзенхаузером на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1953 г., в значительной степени порожденная необходимостью реагировать на мирное наступление СССР и призывы западных союзников США к снижению международной напряженности. Выступая за создание международного органа – агентства по атомной энергии под эгидой ООН – американский президент предлагал странам, вовлеченным в работы по урану и другим расщепляющимся веществам, передавать часть своих запасов под его контроль, тем самым способствуя прогрессу в мирном использовании атомной энергии [Times, 9 Dec. 1953; Правда, 10 дек. 1953].

Импульс же более широкому общественному движению за ограничение и контроль над вооружениями был дан американскими испытаниями термоядерного оружия, начавшимися в марте 1954 г. Известия о радиоактивном поражении в их ходе команды японского рыболовецкого судна, а также жителей Маршалловых островов имели большой резонанс как внутри страны, так и за рубежом. Неосторожное заявление Л. Штрауса на пресс-конференции, посвященной испытанию термоядерного оружия, который в ответ на вопрос журналиста о мощи водородной бомбы, сказал, что ее взрыв способен уничтожить большой город, например Нью-Йорк, было растиражировано в прессе. На следующий день после пресс-конференции, 1 апреля 1954 г., «Нью-Йорк Таймс» вышла с заголовком «Водородная бомба может стереть с лица земли любой город» [New York Times, 1 Apr. 1954]. Глава Объединенного комитета конгресса по атомной энергии С. Коул писал Эйзенхаузеру о том, что и в США, и в остальном мире люди поражены ужасными последствиями развития атомного оружия [\[14, р. 20\]](#). Однако подобная реакция не могла остановить американских ядерных испытаний. Более того, сведения о взрыве, произведенном США на атолле Бикини, повлияли на принятие Великобританией решения о разработке термоядерного оружия и «дали новый импульс советским ученым в их поисках пути создания эффективной конструкции термоядерной бомбы большой мощности» [\[15, с. 1102\]](#).

Проблема создания «сверхбомбы» попала в поле зрения советской разведки и ученых в середине 1940-х гг. Летом 1948 г., еще не испытав атомное оружие, СССР создал предварительный перечень мероприятий по реализации проекта супербомбы (РДС-6) [\[16, с. 621\]](#). Таким образом, к моменту заявления Трумэна от 31 января 1950 г. советское руководство уже давно находилось, что называется, в позиции низкого старта, и директива американского президента стала для него своего рода сигнальным выстрелом, объявляющим новый раунд гонки вооружений.

4 февраля 1950 г. на заседании Специального комитета при Совете Министров курировавший атомный проект Л.П. Берия поручил подготовить план конкретных действий по разработке РДС-6 [\[16, с. 245-246\]](#). Через три недели он докладывал Сталину, что заявления американцев о возможности создать бомбу мощнее атомной недалеки от истины и что наличие подобного оружия отвечает интересам безопасности СССР [\[16, с. 281-282\]](#). В Москве исходили из того, что Советский Союз, как и в случае с атомной бомбой, находится в роли догоняющего. Анализируя сведения, поступавшие из Америки, советское руководство предполагало, что США достигли своей цели уже в ноябре 1952 г. «Отставание» нужно было немедленно ликвидировать, о чем Берия уже 2 декабря

1952 г. сообщил ученым, работавшим над РДС-6с (т.н. «слойка», сконструированная А.Д. Сахаровым) [\[15, с. 1101\]](#). К лету 1953 г. бомба была готова [\[16, с. 688–690\]](#), а в августе того же года – успешно испытана.

Между тем, судя по некоторым документам, полной уверенности в отношении того, что за устройство американцы испытывали в ноябре 1952 г., в СССР не было. Так, в подготовленной в конце июня 1953 г. министром среднего машиностроения В.А. Малышевым докладной записке на имя Г.М. Маленкова о состоянии работ по водородной бомбе в СССР и США было сделано очень осторожное заключение о том, что «по всей совокупности опубликованных данных, с известной вероятностью можно считать, что в ноябре 1952 г. американцы подорвали модель водородной бомбы» [\[16, с. 688\]](#). Сведения о мощности взрыва варьировались в диапазоне от 150 тыс. до нескольких млн тонн тротила. В августе 1953 г., вероятно, в связи с собственным испытанием водородной бомбы и необходимостью решить, как представить его общественности, советское руководство поручило ТАСС проверить, имели ли место в США официальные заявления о создании или взрыве подобного устройства. Ответ был отрицательным – прямые декларации такого рода отсутствовали. В заявлении председателя Комиссии по атомной энергии США говорилось лишь, что «программа испытаний включала экспериментальный вклад в дело исследования термоядерного оружия». Вместе с тем формулировки о проведенных США испытаниях водородной бомбы нередко можно было найти на страницах американских газет [\[17, с. 61\]](#).

Сообщение о состоявшемся в СССР испытании водородной бомбы было опубликовано в советских газетах 20 августа 1953 г. [Правда, 20 авг. 1953]. Британская «Таймс», охарактеризовав его как «первое заявление, сделанное какой-либо страной о взрыве того, что известно как мощнейшее оружие в мире», отметила вместе с тем отсутствие особого акцента на этом известии [Times, 21 Aug. 1953]. Действительно, оно было опубликовано на второй странице «Правды» среди других новостей. Текст заявления был лаконичным. В нем говорилось о том, что «мощность водородной бомбы в несколько раз превышает мощность атомных бомб». В то же время советское правительство подчеркивало необоснованность возможной тревоги в других странах, вызванной советским испытанием, декларируя свою приверженность позиции создания в рамках ООН режима сокращения и запрещения оружия массового уничтожения.

Объявив о своем достижении и призвав иностранные правительства к взаимному отказу от оружия массового уничтожения [\[17, с. 68–69\]](#), руководство Советского Союза осознавало, что этот раунд гонки вооружений не станет последним. Уже через два месяца после термоядерного взрыва под Семипалатинском был поставлен вопрос о создании более мощной водородной бомбы [\[17, с. 88–89\]](#). В ноябре 1953 г. Совет Министров СССР одобрил продолжение работ в данном направлении [\[17, с. 98–99\]](#). Советскому Союзу еще только предстояло создать ядерный арсенал, относительно равный по своей мощи американскому. Однако ключевое событие уже свершилось – США окончательно утратили монополию на сверхоружие. Сверхдержавы практически синхронно подняли «планку» своего статуса на новую ступень.

На протяжении первой половины 1950-х гг. советская пресса довольно скромно освещала вопросы, связанные с разработкой термоядерного оружия. Эта тема находила отражение преимущественно в публикуемых на страницах газет выступлениях членов правительства. На волне заявления Трумэна от 31 января 1950 г. центральные печатные издания СССР стали последовательно доносить до граждан один и тот же нарратив –

термоядерное оружие является «всего лишь» продолжением атомного шантажа со стороны США и очередным доказательством гнилой сущности капиталистического мира, в связи с чем его надо оценивать не иначе как обретенную на провал политику [Правда, 11 мар., 16 дек. 1950; Известия 5 апр., 25 окт. 1950; Красная звезда, 5 мая 1950]. Зафиксировав подобную характеристику американской политики в области ядерных вооружений, советские СМИ на рассматриваемом в данной статье временном отрезке практически не употребляли понятие «водородная бомба» и синонимичные с ней словосочетания. Они появились лишь в августе 1953 г. [Правда, 9 авг. 1953; Красная звезда, 20 авг. 1953], когда Москва была готова уведомить страну и весь остальной мир об успехе СССР в разработке термоядерного оружия.

Аналогичная ситуация прослеживается и в военно-теоретических журналах, предназначенных для курсантов и офицерского состава Советской армии. Тема ядерного оружия, его совершенствования и боевого применения в целом подавалась очень дозировано, хотя руководству СССР, по убеждению исследователей [18, с. 21], были доступны соответствующие данные. В тех же статьях, где фрагменты этой тщательно засекреченной информации становились доступными советским военным, неизменно транслировалась мысль о том, ядерное оружие неспособно решить судьбу военного конфликта, его роль сильно преувеличена [18, с. 21]. Данная установка своими корнями уходила в опыт Второй мировой войны, который в конечном счете оказался успешным для СССР. И.В. Сталин, по мнению исследователей, расценивал ядерное оружие как важный, но все же один из элементов совокупного потенциала моши, необходимого для победы в тотальной войне [1, с. 796]. В его представлении многомиллионная сухопутная армия являлась фактором, могущим компенсировать отставание Советского Союза от США в количестве ядерных бомб и стратегической авиации [1, с. 796-797]. В этом отношении показательно, что авторы статей в военно-теоретических журналах, где присутствуют пассажи об ошибочности подхода американских стратегов к военному планированию, представляли практически все основные рода войск: пехоту [19], бронетанковые войска [20], артиллерию [21], военно-морской флот [22], авиацию [23-24], инженерно-техническую службу [25]. О водородной бомбе практически ничего не говорилось, и отдельного разбора особенностей данного сверхоружия с точки зрения его использования в боевых действиях встретить также нельзя. Максимум, что могли почерпнуть офицеры Советской армии, читавшие номера «Военной мысли» или «Военного вестника» – это базовые представления о принципе работы термоядерного оружия [25].

Исследователи небезосновательно считают: столь специфический подход советской государственно-партийной верхушки к «ядерному просвещению» командного состава вооруженных сил преследовал такие же пропагандистские цели, как и в случае с основной массой населения СССР – армию и народ нужно было убедить в том, что капитализм от «исторически предопределенного» краха не спасет никакое супероружие [18, с. 21-22]. Однако в случае с военными отсутствие в открытом доступе даже после августа 1953 г. специальных статей и брошюр, содержащих сведения конкретно о водородной бомбе, определялось, вероятно, еще одним обстоятельством: представлением Москвы о неготовности и неспособности Пентагона задействовать термоядерное оружие в случае начала новой мировой войны. Действительно, как отмечал крупный советский и российский американист В.Л. Мальков, уже в 1950 г. в Пентагоне признали, что из-за своей беспредельной мощности оно не приспособлено к военному использованию. «Его главное назначение – служить оружием

психологического давления». [\[6, с. 69\]](#). О том же говорили неназванные американские ученые, отчет об интервью с которыми, опубликованный в одном из американских изданий вскоре после взрыва устройства «Майк», был переведен на русский язык и напечатан в секретном выпуске «Вестника иностранной служебной информации ТАСС», экземпляры которого были разосланы представителям высшего руководства СССР. [\[16, с. 549–550\]](#). По линии разведки поступали сведения о недостаточности ядерного арсенала США для нанесения смертельного удара Советскому Союзу [\[26, с. 250–251\]](#). Все же это не могло гарантировать долгосрочного поддержания советскоамериканской конфронтации без окончательного сползания мира в полномасштабную войну с применением средств массового поражения. Поэтому, получая через свою агентурную сеть и черпая из открытой прессы информацию о работе американцев над «сверхоружием», пытаясь организовать наблюдение за американскими испытаниями, Советский Союз форсировал собственные разработки на данном направлении [\[15\]](#).

Ядерная гонка не ограничивалась соревнованием двух гигантов. Странам Западной Европы тоже было над чем подумать после объявления Америкой своей готовности взвинтить темп увеличения разрушительного потенциала вооружений. Особенно это касалось Великобритании – ближайшего союзника Соединенных Штатов и третьей по мощи державы мира.

Англия еще в годы Второй мировой войны была отодвинута на второй план двумя зарождавшимися сверхдержавами. Начавшаяся после разгрома стран «оси» конфронтация западных демократий с СССР обусловила развитие англо-американских «особых отношений», где Великобритании в силу военноэкономического превосходства США также приходилось довольствоваться ролью младшего партнера. Незафиксированный на бумаге альянс, хотя и имел прочную основу в виде антикоммунистической направленности политики Лондона и Вашингтона, все же не был фактором, который автоматически обеспечивал всестороннее взаимодействие между Англией и Соединенными Штатами. Так, американское атомное законодательство, принятое в 1946 г., не допускало практически никакого обмена информацией о сверхоружии с любым иностранным государством, включая союзников. Поэтому Великобритания и США, оставаясь друг для друга самыми близкими партнерами, в сфере ядерных вооружений вплоть до конца 1950-х гг. основное внимание уделяли реализации своих собственных национальных программ [\[27; 28, с. 460–461\]](#).

В начале 1950 г. англичане еще не располагали собственным «атомным щитом». На Британских островах с лета 1948 г. были размещены подразделения американских ВВС – несколько десятков бомбардировщиков B-29, способных нести ядерный боезапас, однако Уайтхолл никак не контролировал их действия [\[29, р. 29–36\]](#). Несмотря на постоянно предпринимаемые британскими государственными деятелями усилия, им до 1952 г. не удавалось получить от США хоть какого-то заверения в отношении того, что Лондон будет привлечен к консультациям или даже просто проинформирован в случае использования самолетов или гипотетического решения Вашингтона начать войну с применением ядерного оружия. Это вполне устраивало Соединенные Штаты, которые рассматривали Туманный Альбион в качестве одного из удобных плацдармов, откуда можно было совершать авианалеты против СССР [\[1, с. 790; Congressional Record: Proceedings and Debates of the 81st Congress, 1st Session. Vol. 95. Washington, 1949. P. 12427; The National Archives \(TNA\). Cabinet Papers \(Cab.\). 158/5/11\]](#). Однако для самой Британии превращение в своеобразный «непотопляемый авианосец» [\[30, с. 21; 31, с. 56\]](#) означало увеличение на ее территории

количества приоритетных целей для потенциальной атаки советских войск, которым дотянуться до Соединенного Королевства было проще, чем до североамериканского континента. Желание теснее вовлечь США в вопросы обороны Европы от СССР перевешивало опасения стать в результате этого объектом советского удара, однако ощущение собственной уязвимости и отсутствие контроля за возможными действиями своего главного союзника побуждали Лондон следовать намеченной еще в 1947 г. цели разработки собственного ядерного оружия.

В таких условиях неудивительно, что заявление Трумэна от 31 января 1950 г. и последующие новости о разработке американского термоядерного оружия воспринимали в Великобритании с повышенным беспокойством. Знакомя читателей с решением американской администрации, газета «Таймс» в номере от 2 февраля 1950 г. привлекала внимание к опасностям, грозящим всему человечеству в связи с возможным появлением нового вида оружия [Times, 2 Feb. 1950]. Каким бы разрушительным потенциалом ни обладало ядерное оружие, он не мог сравниться с мощностью водородной бомбы. Если нанесение ядерного удара, в оценке издания, не всегда могло гарантировать даже победу в войне, применение термоядерного оружия грозило всеобщим уничтожением. Твердой уверенности в сдерживающем потенциале «сверхоружия» у «Таймс» не было – возможности его применения, по словам газеты, нельзя было исключить в условиях напряженной международной ситуации.

Казалось, обрисованная изданием перспектива должна была привести к осуждению решения американского президента. Однако газета разводила вопросы разработки и применения термоядерного оружия. И если второе оправдать было невозможно, то первое признавалась практически неизбежным в условиях противостояния с СССР и отсутствия гарантий того, что Москва не сможет создать водородную бомбу. Эту позицию разделяли и британские военные. Примечательно, что в отчетах британской разведки о военно-экономической мощи СССР с лета 1950 г. присутствовала строка, в которой предполагалось указывать количество советских водородных бомб [TNA. Cab. 158/11/21; Cab. 158/12/28; Cab. 158/13/9; Cab. 158/14/21; Cab. 158/14/65; Cab. 158/15/37]. Возвращаясь к февральской статье «Таймс», отметим, что надежда не допустить наиболее ужасающей гонки вооружений выглядела, в ее изложении, довольно призрачно, но издание призывало западные державы направить все усилия на поиск путей достижения соглашения с СССР, а Москву и Вашингтон – скорректировать свои взгляды и сблизить позиции по вопросам контроля над вооружениями.

Призывы к созданию системы международного контроля в вопросах атомной энергии, а впоследствии – прекращению термоядерных испытаний, не раз звучали в стенах британского парламента. Главы правительства, будь то лейбористского или сменившего его в 1951 г. консервативного, в парламентских выступлениях указывали на фактор СССР как на препятствие таким решениям [House of Commons Debates, 6 Mar. 1950. Vol. 472. Col. 70; House of Commons Debates, 5 Apr. 1954. Vol. 52. Col. 43–44. URL: <https://hansard.parliament.uk>]. Политика США публично поддерживалась. Так, на фоне проведения США «операции Замок» в 1954 г. Черчилль отверг возможность попыток воздействия на заокеанского союзника с целью побудить его отказаться от дальнейших испытаний водородной бомбы и охарактеризовал эти испытания как «неотъемлемую часть оборонной политики дружественной державы, без огромной мощи и щедрой помощи которой Европа оказалась бы в смертельной опасности» [House of Lords Debates, 30 Mar. 1954. Vol. 186. Col. 807. URL: <https://hansard.parliament.uk>].

Однако проходившие в первой половине 1950-х гг. обсуждения в военных и правительственные кругах Великобритании демонстрировали, что в полной мере

полагаться на США в вопросах обороны в Лондоне не могли. Черчилль рассчитывал, что операция «Харрикейн» (кодовое обозначение британских ядерных испытаний, проведенных в начале октября 1952 г.) побудит США к сотрудничеству с Великобританией в ядерной сфере [\[14, р. 37; House of Commons Debates, 23 Oct. 1952. Vol. 505. Col. 1270\]](#). Однако менее чем через месяц американцы испытали термоядерное устройство, и Лондон вновь оказался на позиции аутсайдера в набиравшей обороты гонке вооружений, что снижало потенциальный интерес Вашингтона к пересмотру закона 1946 г. Становившееся все более очевидным отставание Великобритании от двух сверхдержав и опасения оказаться заложником в их конфликте, как и недостаток средств для решения социально-экономических проблем, побуждали Лондон, который в середине 1940-х гг. довольно активно способствовал разжиганию советско-американских противоречий, стремиться к снижению международной напряженности.

Очередным импульсом к такой политике стали сделанные в феврале 1954 г. заявления С. Коула, раскрывавшие последствия испытаний американского устройства «Майк». Информация о том, что в их ходе исчез небольшой остров, а на дне океана образовался огромный кратер, растиражированные британскими СМИ [Manchester Guardian, 18 Feb. 1954; Times, 18 Feb. 1954], побудили Черчилля обратиться в частном письме к Эйзенхауэру с предложением трехсторонней встречи с участием лидеров ядерных держав. Британский премьер-министр, ссылаясь на консультации со своими советниками, которые прогнозировали, что несколько водородных бомб могут уничтожить миллионы людей, писал об опасностях термоядерного взрыва для островной, небольшой по площади, но густо населенной Великобритании, а также пытался донести до американского президента мысль о том, что такого рода оружие может вскоре стать серьезной угрозой для США, территория которых не останется вечно неуязвимой [TNA. Cab. 129/68/1].

Забегая вперед, отметим, что в меморандуме, подготовленном начальниками штабов в конце мая 1954 г., прогнозировалось, что в случае войны с применением ядерного оружия, по Великобритании в первые ее дни будет нанесен удар такой силы, что она не только не сможет поддерживать дальнейшие военные усилия, но и столкнется с проблемой физического выживания [TNA. Cab. 129/69/49]. «Водородная бомба с ее огромным радиусом действия и мощностью, как показали недавние эксперименты, представляет серьезную угрозу для цивилизации, и любая война может привести к ее применению», – подчеркивал лидер лейбористов К. Эттли, выступая 5 апреля 1954 г. в парламенте с предложением немедленно инициировать встречу в верхах [House of Commons Debates, 5 Apr. 1954. Vol. 526. Col. 36]. В тот же день газета «Дейли миррор» опубликовала результаты опроса с участием более 14 тыс. человек, 92% из которых высказались за проведение конференции «большой тройки» [\[14, р. 48\]](#). Уже зная об отрицательном отношении Эйзенхауэра к такой инициативе, Черчилль, выступая в парламенте, попытался придать расширительную трактовку слову «немедленно», прозвучавшему из уст лидера оппозиции, подчеркивая, что оно «не должно связать нас обязательством предпринимать какие-либо действия в неподходящее время» [House of Commons Debates, 5 Apr. 1954. Vol. 526. Col. 58]. Сохранение «особых отношений» с США оставались приоритетом британской политики.

Впрочем, стремление к снижению напряженности соседствовало с другой тенденцией – укрепления собственных сил. Проведенные в 1952 г. США испытания, как и осознание ограниченных возможностей сотрудничества с США в этой сфере, подталкивали британских государственных деятелей к рассмотрению вопроса о разработке собственного термоядерного оружия. К этому времени прогресс в ядерной области

побудил британских стратегов к признанию возраставшей роли ядерного оружия в войне и, соответственно, возможностей ядерного сдерживания [32, р. 52]. Вопрос о разработке собственного термоядерного оружия был поставлен Черчиллем в феврале 1953 г. и обсуждался в дальнейшем в подразделении по исследованию атомной энергии Министерства снабжения и в созданном в 1953 г. комитете по вопросам внутренней обороны кабинета министров [14, р. 37-47]. В военных кругах пересматривали подходы к обеспечению безопасности в новых условиях.

В процессе этих обсуждений, подробное рассмотрение которых не входит в задачи настоящей статьи, в пользу решения о разработке термоядерного оружия выдвигались два главных аргумента. Обладание им могло повысить престиж и укрепить влияние Лондона на международной арене и дать Великобритании инструмент сдерживания. Если сдерживание было направлено против СССР, который воспринимался в качестве основной угрозы Соединенному Королевству, укрепление британских позиций на международной арене рассматривалось в контексте англо-американских отношений. Как ни парадоксально, США выступали, в британских оценках, потенциально дестабилизирующим фактором в системе международных отношений. Применение ядерного оружия Вашингтоном рассматривалось как хотя и маловероятный, но возможный на почве эскалации локального кризиса или опасений укрепления ядерного потенциала СССР сценарий. Основной жертвой ответного удара в таком случае становилась Великобритания – в упомянутом выше меморандуме начальников штабов от 31 мая 1954 г. прогнозировалось, что СССР будет иметь бомбардировщики, способные доставить самое современное ядерное оружие до ее территории в 1955 г., а до территории США – лишь в 1958 г. Предотвращение войны в таких условиях декларировалось как основная задача Великобритании, решить которую ее лидеры считали возможным на пути укрепления атлантической солидарности и содействия развитию ядерных (включая термоядерные) сил сдерживания. Лондон должен был убедить Вашингтон в своей готовности поддерживать прочность европейской обороны и продемонстрировать Москве способность нанести ответный удар в случае войны [TNA. Cab. 129/69/49]. Подобная логика привела, правда, не без длительных обсуждений, к принятию кабинетом министров в июле 1954 г. решения о запуске английской термоядерной программы [TNA. Cab. 128/27/47; Cab. 128/27/48; Cab. 128/27/54], которое завершило процесс захода стран «большой тройки» на новый виток гонки вооружений.

Термоядерное оружие стало новым фактором в переживавшей фазу становления bipolarной системе международных отношений. Его разработка и совершенствование в значительной степени явились порождением непримиримого конфликта сверхдержав. Связанный с появлением «сверхоружия» риск всеобщего уничтожения не остановил гонку вооружений, но намечавшаяся в ее ходе тенденция к достижению относительного паритета в ядерной сфере постепенно превращалась в залог стабильности, в основе которой лежал страх ответного удара. На заре ядерной эры эта тенденция только зарождалась – термоядерные испытания, казалось, увеличивали степень непредсказуемости на мировой арене, вызывая вопросы не только о том, как новые разработки повлияют на расстановку сил и стратегии ведущих держав, но и о степени управляемости термоядерными взрывами, об их последствиях и связанных с ними опасностях радиационного заражения. Именно поэтому испытания водородной бомбы побуждали обращаться к проблеме контроля над ядерными вооружениями. Однако высокая степень конфликтности и неопределенности, а главное – восприятие могущества как основы занимаемых государством позиций в системе международных отношений вели к тому, что вопросы контроля отступали на второй план перед императивами гонки

вооружений.

Библиография

1. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к bipolarному миру / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2020.
2. Белоусов Л.С., Маныкин А.С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в bipolarном мире // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 5. С. 97–117.
3. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США / 2-е изд., испр. и доп. М.: Международные отношения, 2021.
4. Rhodes R. Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. New York: Simon & Schuster, 1995.
5. Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman (1950). Washington: United States Government Printing Office, 1965.
6. Мальков В.Л. Термоядерная бомба и меняющийся баланс сил в советско-американских отношениях. «Супер» против «Слойки» // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 53–69.
7. Батюк В.И. Начало советско-американской ядерной гонки (1945–1949 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 66–77.
8. Мельникова Н.В. Вокруг советского атомного проекта: американская разведка и информаторы, 1945–1949 годы // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 133–144. <https://doi.org/10.31857/S0130386424040102>
9. Foreign Relations of the United States, 1950, National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Vol. 1. Washington: United States Government Printing Office, 1977.
10. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, National Security Affairs. Vol. 2. Pt. 2. Washington: United States Government Printing Office, 1984.
11. Bernstein B. J. Crossing the Rubicon: A Missed Opportunity to Stop the H-Bomb? // International Security. 1989. Vol. 14. № 2. P. 132–160. <https://doi.org/10.2307/2538857>.
12. Lilienthal D. The Journals of David E. Lilienthal. Vol. 3. New York: Harper & Row, Publishers, 1966.
13. Frase K. W. International Control of Nuclear Weapons // The Annals of the American Academy of Political and Social Science 1953. № 290. P. 16–26. <http://www.jstor.org/stable/1030034>.
14. Arnold L. Britain and the H-bomb. Basingstoke, New York: Palgrave, 2001.
15. Гончаров Г.А. Основные события из истории создания водородной бомбы в США и СССР // Успехи физических наук. 1996. № 10. С. 1095–1104.
16. Атомный проект СССР: Док. и материалы в 3 т. Т. III в 2 кн. Водородная бомба. 1945–1956. Кн. 1 / Гос. корпорация по атом. энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. М.; Саров: Наука, Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2008.
17. Атомный проект СССР: Док. и материалы в 3 т. Т. III в 2 кн. Водородная бомба. 1945–1956. Кн. 2 / Гос. корпорация по атом. энергии «Росатом»; Отв. сост. Г.А. Гончаров. М.; Саров: Наука, Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2009.
18. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1995.
19. Таленский Н. Гениальный вклад в марксистско-ленинское учение о войне и в военную науку // Военная мысль. 1951. № 2. С. 32.
20. Хлопов В. О характере военной доктрины американского империализма // Военная мысль. 1950. № 6. С. 75.
21. Елизаров Н. Боевые действия в условиях применения атомного оружия (по

- материалам американской военной печати) // Военный вестник. 1954. № 12. С. 73.
22. Питерский Н. К вопросу о роли и задачах флота в современной войне // Военная мысль. 1950. № 8. С. 45.
23. Федоров П. О роли тактической авиации в войне // Военная мысль. 1953. № 3. С. 78.
24. Журавлев Н. О господстве в воздухе // Военная мысль. 1954. № 8. С. 11–12.
25. Покровский Г. О роли вооружения в войне // Военная мысль. 1954. № 9. С. 22–24.
26. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Родина, 1996.
27. Paul S.H. Nuclear Rivals: Anglo-American Atomic Relations, 1941–1952. Columbus: Ohio State University Press, 2000.
28. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.
29. Duke S. US Defence Bases in the United Kingdom: A Matter for Joint Decision? Basingstoke (Hants); London: Palgrave, 1987.
30. Ефремов А.Е. Европа и ядерное оружие. М.: Международные отношения, 1972.
31. Трухановский В.Г. Британская политика в области ядерных вооружений. М.: Наука, 1987.
32. Baylis J. Anglo-American Defence Relations 1939–1980. New York: St. Martin's Press, 1981.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье представлен комплексный исторический анализ реакции ядерных держав на разработку и испытания термоядерного оружия США в начале 1950-х гг.

В статье красной линией проходит интересный взгляд, что в борьбе за влияние в Холодной войне СССР и США обладали кардинально большими возможностями, чем остальные страны мира, при этом в боевой моши двух сверхдержав наблюдалась некоторая асимметрия.

В основе статьи богатая источниковая база: парламентские дискуссии, многочисленные сообщения прессы, документальные публикации.

Согласуясь с принципом историзма, история разработки и испытания термоядерного оружия рассматривается в контексте меняющихся геополитических ролей и медленного расширения «клуба ядерных держав».

Исследуемый сюжет особенно интересен в свете секретности термоядерной программы, так как Белый дом запретил публично обсуждать проблему водородной бомбы всем структурам, отвечающим за атомную политику США.

Работа отличается научной новизной. Стиль статьи – академический, структура – логичная, содержание отражает название и соответствует привлеченным историческим источникам.

Библиография вопроса представлена полно, представлены как отечественные, так и англоязычные исторические сочинения.

Нельзя не согласиться с выводом, что термоядерное оружие стало новым фактором в переживавшей фазу становления bipolarной системе международных отношений. Утверждение авторов, что «связанный с появлением «сверхоружия» риск всеобщего уничтожения не остановил гонку вооружений, но намечавшаяся в ее ходе тенденция к достижению относительного паритета в ядерной сфере постепенно превращалась в залог стабильности, в основе которой лежал страх ответного удара» повторяет

классические работы по ядерной компоненте холодной войны.

Автор приходит к выводу, что императив гонки вооружений доминировал при формировании политик по ядерному вопросу, причиной чем были высокая степень конфликтности и неопределенности. Интересное наблюдение касается понятия мощи, которое рассматривается не только в контексте гонки вооружений, но в качестве мерила занимаемых государством позиций в системе международных отношений.

Новизна работы состоит во включении в дискуссии позиции Великобритании, ближайшего союзника Соединенных Штатов и третьей по мощи державы мира, которая часто остается в тени борьбы «сверхдержав».

Важным доказательством тому может быть позиция Великобритании по вопросу использования термоядерного оружия. Как показано в статье, обладание им могло повысить престиж и укрепить влияние Лондона на международной арене и дать Великобритании важный инструмент политического сдерживания. Если сдерживание было направлено против СССР, который воспринимался в качестве основной угрозы Соединенному Королевству, укрепление британских позиций на международной арене рассматривалось прежде всего в контексте англо-американских отношений.

Выводы обоснованы, интерес читателей, увлеченных военной историей и историей международных отношений, обеспечен.